

В 1874 году 6 (18) марта в Киевской губернии родился русский философ Николай Александрович Бердяев. Его отец — офицер русской армии, дед — генерал, победитель Наполеона. Мать — аристократка. Семья сделала Бердяева помимо его воли внутренне аристократичным. Он следил за своим внешним видом и эстетически относился к другим.

КАДЕТСКИЙ КОРПУС

Николай Бердяев поступил в кадетский корпус, чтобы подготовиться к воинской службе. "Я, — вспоминал Бердяев, — не любил корпуса, не любил военщины, всё мне было немило". В 6 классе он оставил корпус и стал готовиться к поступлению в университет. Тогда-то у него и появилось желание сделать карьеру профессором философии. Почему профессором, а не офицером? А как же семейные традиции? Бердяев это объяснял так: "Я, — написал он в "Самопознании", — никогда ещё не ощущал, что родился от родителей. Нелюбовь ко всему родному — характерное моё свойство. Я не люблю семьи и семейственности".

Бердяев не враг рода человеческого, хотя так его иногда и называли в юности. Он просто не хотел быть похожим ни на отца, ни на деда. Хотел быть сам по себе, то есть таким, каким его замыслил Бог. А Бог замыслил его, как он полагал, философом. Как это можно было узнать? По внешним признакам. В 14 лет он уже прочёл "Критику чистого разума" Канта, "Философию духа" Гегеля, произведения Шопенгауэра и Ницше.

Но где же здесь русские философы? В России, конечно, философы были, но русской философией ещё не было. Она только начинала формироваться, и Бердяев — это одна из самых известных форм её становления.

О ПРЕЗРЕНИИ К ПРОФЕССОРСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Бердяев не любил и часто даже презирал академическую философию, или, как он её называл, "профессорскую философию". За что он её презирал? За то, что она была ненастоящей, непервородной. Она была, как он говорил, о чём-то, а не чем-то. Говоря короче, она была историей философии, но не философией.

Бердяеву нравились экзистенциальная философия. Но он подозревал под ней не то, что понимают под ней учебники философии. Экзистенциалистами были, на его взгляд, Августин Блаженный и Паскаль. Но ни Хайдеггер и ни Ясперс экзистенциалистами не были. Для него экзистенциалист — Ницше, а в России — К. Леонтьев и он, Бердяев. "Я был революционером", — часто говорил Бердяев. Неревolutionеры не могут быть философами. Бердяеву был противен буржуазный дух позитивизма и аналитики, господствовавший в университете. По его словам, он пытался найти традицию русской философии. Как он это делал? Бердяев вступил в борьбу с неокантианцами, с такими, как Коген.

лектик. И эту диалектику Кант хотел выкинуть из чистого разума. Но выкинуть он её мог только вместе с чистым разумом.

Бердяев предложил идти дальше, к отказу от чистого разума и полаганию принадлежности разума человеку. Это, на его взгляд, человеческий разум, а не чистый, то есть абстрактный. И отождествление субъективности с объективностью связано с особенностью человеческого существования в мире, а не с внутренним устройством разума. Человека гонит за пределы мира свобода. По отношению к запредельному человек слеп. И вслепую даёт существование тому, что не существует. Это существование является для него уже не субъективным, а объективным. То есть человек существует в мире образов, а не вещей.

Тем самым Бердяев указал на ключ к решению проблемы антинomioи чистого разума и проблемы сознания. Сознание не внутри головы, а между головами. В наших головах могут воспроизводить себя социальные и культурные предрассудки, если они являются условиями нашего существования в мире. Быть в нём можно и без воображения. А быть человеком без воображения нельзя. Это означает, что не бытие первично, а воображение, что само бытие есть продукт рационализации человеческого существования. Иначе говоря, бытие является просто понятием. И в этом состоит весь его рационализм.

Так Бердяев пришёл к отрицанию онтологического разума Европы. "Это, — говорит он, — был разрыв с онтологической традицией Парменида, Платона, Аристотеля, Фомы Аквината, многих течений новой философии вплоть до Вл. Соловьёва с его учением о всеединстве".

Согласно Бердяеву, экзистенциализм должен быть антионтологическим. Но никакого антионтологизма философской мысли Бердяев не обнаружил в западной мысли. Не было его и у самого влиятельного философа XX века Хайдеггера.

Каковы же идеи Бердяева? Философский талант Бердяева реализовался в двух лучших его работах — "Философии неравенства" и "Новом Средневековье".

Нельзя жить в обществе и быть свободным от него. Современное общество — это система взаимных уравниваний, смещения низости низкого и совершенства высокого, от которой человека должно спасти государство. От чего спасти? От деспотии посредственности, от равенства низкого и высокого, гения и профана, добра и зла, банального и уникального. Бердяев выступил против растворения государства в обществе. Государство, говорит он, родилось посредством насилия. Первый насилием был благодетелем человечества, ибо установил неравенство и поставил человека перед целью быть больше, чем он есть.

"Не так страшно, — пишет Бердяев, — когда личность притесняют, ограничивают, даже мучают, но в принципе признают личность, чем когда в самом принципе её отрицают и заменяют безликими началами". В первом случае есть предел. Это твой дух. Во втором — нет предела. Нет духа. Все равны, и никто даже не догадывается о своих мучениях. Поэтому нужно признать, настаивает Бердяев, что самодержавие народа страшнее самодержавия царя. В первом случае человек зависит от тьмы количества. Во втором — от случайных свойств характера одного человека. От воли одного легче спрятаться, чем от воли всех.

Самодержавное царство уважало внутреннего человека и наказывало внешнего. Демократические деспотии стирают следы внутреннего человека и отпускают на волю внешнего. Самодержавие народа строится на представлении о том, что человек есть атом, кирпич, из которого строится социум. Русское самодержавие было православным, то есть признавало духовную жизнь человека. Для него люди были не атомами, не кирпичиками общества. "И духовно, — замечает Бердяев, — не так была страшна деспотия".

"Почему случаются в истории революции?" — спрашивает Бердяев и отвечает: потому что имеющая власть не исполняет своего назначения. Это во-первых. И во-вторых, потому что преданы забвению слова Августина о том, что государство нужно не для того, чтобы была на земле рай, а для того, чтобы на ней не было ада.

НОВОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

История, делится с нами своими наблюдениями Бердяев, знает два состояния: либо день, либо ночь. День — это новое время. Ночь — Средние века. Например, Античность по своему типу есть Новое время. Правда, после Платона день стал клониться к ночи, к Средним векам, которые опять сменились Новым временем. И вот оно закончилось. Началось новое Средневековье.

С чего оно началось? С русской революции. Поскольку оно новое, постольку оно ничего не повторяет из старого. Оно по духу старое, по типу, то есть по связи с ночью. В чём состоит ошибка большевиков? В том, что они этого не поняли и попытались ночь превратить в день. Однако электрическое освещение не даёт дневного света.

Что мы теперь не можем не увидеть, если будем внимательно смотреть на то, что происходит в мире? Кризис Нового времени, гниение его остатков. Что гниёт? Все институты старого мира. Рухаются государство. "Ни одно государство не знает, что с ним будет завтра", — говорит Бердяев. Исчезают нации. Доживают свой век партии и парламенты. Всё сгнило. В чём кризис? Кризис в самом рациональном способе мышления. "Рациональный день новой истории кончается", — пишет Бердяев. Кончается его философия. Прошёл звёздный час научного знания. Университеты перестали быть центром духовной жизни. Академики больше ни на что не влияют. Никто не верит в право и конституцию. В ночи надо полагаться не на логику, не на опыт, а на инстинкт. А поскольку его ни у кого нет, постольку полагаться нужно на интуицию или на воображение.

НОЧЬ

Ночь иррациональна. Её нельзя получить реформированием старых содержаний дня. Бердяев называет Средневековье "ночной эпохой всемирной истории". Что отсюда следует? То, что люди живут в воображаемом мире, а реальность является всего лишь одной из сторон воображаемого. В ночи будущее двойится, и вновь появятся перед человеком признаки коммунизма и фашизма.

Уходит день, а вместе с ним уходит и гуманизм. Мы, русские, говорит Бердяев, никогда не любили человека. Мы его не любили даже днём. Человека полюбили на Западе, но они не любят ночь, то есть Бога. При свете дня трудно отличить человека от обезьяны. Ночная Россия, по словам Бердяева, скорее родит Антихриста, чем гуманистическую демократию.

Что беспокоит ночное сознание? Сможет ли Церковь вновь стать центром притяжения народа, или народ всё-таки отпадёт от веры? Появятся ли народные трибуны со святыми атрибутами власти? Старые классы, конечно, умрут, но возродятся ли объединения по профессиям, по творчеству, по цеху? Градуд ли общины? Это вопросы, которые мучают ночное сознание человека. Одно, говорит Бердяев, очевидно: человечество обдеедет и задумается о внутренней жизни, а войны, конечно, будут, но как войны духовно-религиозные.

Фёдор ГИРЕНОК

Дальше — небольшая витрина, посвящённая южному отдыху. Тут и соломённая шляпка золотая, и пляжная сумка — тоже из соломы, летний головной убор 1920-х фасона "клош", то есть колокольчик, маленькая скульптура "Купальщица", формами напоминающая "Девушку с вёслом". В Советском Союзе было юридически закреплено право на ежегодный отпуск, правда, он не всегда совпадал с жарким летом!

Стенд "Бельё" — рассказ о телесности, о том, что в XX веке произошли кардинальные модификации — приобщение к белью всех слоёв населения и вторжение физкультуры в повседневность. Перед нами рубашечки эпохи НЭПа, шпильте в частных мастерских, купальники, исподние вещицы 1930–1950-х годов. Вообще, тематика белья привлекает ещё и потому, что это разговор о сексуальности, об отношении к интиму.

А тут — ностальгическая витрина "Дочки-матери" с бумажными и картонными куколками, к которым прилагались такие же бумажные платочки. Вот — странички из журнала "Работница" 1970–1980-х годов, где иногда печатались разговоры с такими куколками. Предполагалось, что эти игры со смелой костюмчиков служат воспитанию вкуса у будущих женщин. Кстати, о куках! Тут есть потрясающий экземпляр, и уже не из бумаги. Кукла-ребёнок, подаренная фабричным комитету ВЛКСМ комсомольцами Трёхгорки — на малышке надета юбочка с клиньями из образовцов ткани.

Тут масса замечательных штук, даже и не относящихся к одежде. Например, газдовская ваза из Меисена, где создавались фарфоровые чудеса начиная с Галлантного века, с эпохи курфюрста Августа Сильного. После разделения Германии на Ost и West сакоские чашки да пастушки "Достались" солагрею, и при коммунизме в Меисене выискали не только привычную с XVIII столетия изящную посуду и статуэтки в париках-камзоллах-жабо, но и политические выверенные вазы с орнаментами "Дружба народов", "Армия ГДР" или, как тут, — "Мир и демократия".

Собственно, выставка прелюбопытна и увлекательна, если не привязывать её к "веку и юбке". Правильнее было бы сосредоточиться на мысли, что одежда — это символ и знаковая система, позволяющая с давних пор отличать своего от чужого, понятного — от неведомого, верного — от враждебного. Хотя и эта формула даёт сбои — неслучайная популярность строк Юлии Друниной, где есть слова: "Идёт не стилижка — девчонка с завода", пусть и одета в юбку-мини. Оболочка не заслоняет сути, и это важно.

Галина ИВАНКИНА

И ДЕНЬ, И НОЧЬ...

Николаю Бердяеву — 150 лет

ПИСЬМА К НЕДРУГАМ

Книга "Философия неравенства" состоит из писем к недругам по социальной философии. Недруги — это русская интеллигенция. В некотором смысле Бердяев пишет письма самому себе. По его мысли, с интеллигентной случилось несчастье, как у Канта с разумом. Она полюбила идею уравнилельной демократии, то есть отказалась от истины во имя блага народа. В чём здесь состоит проблема? Для того чтобы жить в обществе, истина не нужна. Жизнь в обществе принуждает нас ко лжи. Истина нужна для того, чтобы жить за пределами опыта. Но за этими пределами никто не живёт. А в пределах опыта человеку нужны блага. Но и здесь не всё так просто. Может ли человек получить блага в полной мере на земле? Может, но от Антихриста.

Евангелие не предсказывает победы и торжества правды Христовой на земле. Скорее всего, на земле победит князь мира сего, Антихрист. А человек свободен: он может примкнуть к Христу, а может примкнуть к Антихристу. Но и это ещё не всё. В силу слепоты разума мы не очень хорошо понимаем, где Христос, а где Антихрист. Одно мы можем принять за другое. Но это уже говорит о том, что мы сегодня живём не в эпоху евангельской ясности и простоты, а в эпоху апокалиптической сложности и леонтьевского смещения. Бердяев пишет: "Лик Христов двойится для современного человека. Страшно зыбка современная душа, двойится для неё добро, двойится для неё зло. Это воспринимается ею в обманчивых образах добра".

Мы думали, что живём в мире вещей. И нам достаточно иметь глаза, чтобы их видеть. Но оказалось, что мы живём не в мире вещей, а в мире образов, подмен и двоений.

ПРАВО НА НЕРАВЕНСТВО

Благо народа — это, говорит Бердяев, конечно, хорошо. Но Царства Божьего на земле для человека никогда не было и не будет. А что будет? Распад, тление и зло. С этой истиной нужно, на его взгляд, смириться. Но как? Прежде всего понять, что свобода — это право на неравенство. Идея социального равенства — это идея отказа от свободы. Люди фундаментально неравны, и это неравенство должно быть причиной курворота элит в социальном обществе, их подъёма и спуска. Один стбит многих, а может быть, и всех. В цене должны быть антропологические (личные) качества, а не социальные. В обществе не должно быть разрыва между личным рейтингом и социальным. Русский человек смотрит на человеческие качества, а не на политические.

МОДА, ОБРАЗ И ЭПОХА

Выставка «Короче: век и юбка» в Музее «Пресня»

сандры Коллонтай, потомственной аристократки, бунтарки, адепта свободной любви. Мадам Коллонтай слыла эстеткой с дивным вкусом и всю жизнь оставаласьстройной. Об этом говорит её купальник 1920-х годов, когда авторше "Люби пелт трудовых" было за пятьдесят. На стендах есть её фотографии Серебряного века, 1890-х годов — мадам носила парижские фасоны с тутиг корсетом. Ни о каком аскетизме речь не шла ни в юности, ни в зрелые лета!

Среди экспонатов — розовые плунты Ольги Лепешинской, в которых она танцевала партию Жанны в балете "Плама Парижа", изысканной постановке о Французской революции. Возле тех плунт — фарфоровая статуэтка "Балерина" начала 1960-х из Ликино-Дулёво. Эти предметы почему-то окружены сумочками и клатчами 1950–1960-х годов, никак не относящимися к знаменитой танцовщице и "Пламени Парижа".

НЕСМОТЯ НА ТО, что выставка обращена к веку и юбке, здесь полно бюрок. И — мужских пиджаков. Так, можно увидеть костюм, принадлежавший Серге Орджоникидзе, мощному деятелю из сталинской коргорты, "отцу" тяжпрома. На одной из витрин — сапоги прославленного наркомана. Рядом — чьи-то востроносые туфельки 1930–1950-х годов.

А вот знакомый революционный вариант — кожаная куртка. Одежда-символ. Знак принадлежности к "своим", к коммунистам. Сочетание брутальной романтики с рациональностью, а красоты — с удобством. Кожанка сделана актуальной ещё до 1917 года, когда была частью экипировки лётчиков и автолюбителей. В годы Революции непромокаемую, лёгкую и привлекательную куртку облюбовали командиры и комиссары обоого пола. То был своеобразный унисекс, ибо не существовало разделения на мужские и дамские кожанки. По мере того как утихали социальные бури, эта вещь стала казаться архаикой, а в 1930-х её хранили в шифоньере как память о лихолетье, красной коннице и мечтах о будущем, которое уже наступило.

ЕСТЬ ВЫСТАВКИ, главным и единственным минусом которых является их креативная сумбурность. Точнее, особая логика, что создаёт эффекты, но не служит информативности. Большинство проектов, связанных с историей костюма, выглядят как магазинчики винтажных штук, где всё пригоже декорировано — свисает, высится и сияет, но разобраться в этом — целая наука. Что к чему, за чем и — зачем? Так, манто 1920-х легко соседствует с кримплёвым костюмом начала 1970-х, а туфли, в коих танцевали фокстрот и шимми — с дутыми сапожками предперестроечной пятiletки.

Экспозиция "Короче: век и юбка" в Музее "Пресня" — увы, не исключение. Ряд уникальнейших вещей, интересные сопроводительные таблички, великолепное оформление! Но всё сгруппировано так, что невозможно усичить, как одно вытекает из другого, а ведь мода — это не только индустрия шика и ярмарка тщеславия, это сложная дисциплина со своими законами.

Сама афиша вводит нас в заблуждение: рисунок показывает, что в XX столетии юбка становилась всё короче. Однако подол 1920-х мог чуть открывать колени, тогда как в 1930-х он достигал уже до середины икры. Платья военных лет снова коротки, а в 1950-х — намного длиннее. Как опять же не вспомнить, что в параллель с мини в 1968 году пришло макси, которое до середины следующего десятилетия сосуществовало с с мини, и с миди? Так что если уж устроителям захотелось провести линию, то это должна быть не прямая, но синусоида.

Хронологический порядок отсутствует — есть разделы "Бельё", "Свадьба", "Отдых", "Мода и революция". Дабы усичить для себя, что с чем носили, требуются переходить от одной витрины к противоположной, от манекена к манекену, а затем складывать в уме получившиеся величины. Годится для двух категорий посетителей — кто очень хорошо знает историю моды и... кто не знает её вовсе. Для первых то будет приятный экскурс, для вторых — пиришество для глаз без чёткого осмысления. "Ах, какие платица!" — и всё.

Но что я о грустном? На выставке много такого, ради чего стоит на ней побывать и даже не один раз. Допустим, костюм жестокой большевички Розалии Залкинд-Землячки. Всё очевидно в её коричневом облачении 1930-х — в те годы она была видным функционером и никого не топила на баржах.

Или роскошное платье и туфельки гранд-дамы советского бомонда — Алек-

КРУПИН

Писатель-деревенщик

Мы продолжаем презентацию проекта "Светочи", размещённого на сайте [zavtra.ru](#). Проект посвящён выдающимся деятелям отечественной науки, искусства и культуры, связанным с газетой "Завтра".

В ТВОРЧЕСТВЕ Владимира Николаевича КРУПИНА (р. 7 сентября 1941 г.), на первый взгляд, всё просто. Но, как отметил Валентин Распутин в предисловии к одному из сборников крупинской прозы: "Не знаю никого из авторов второй половины XX столетия, кто бы так мастерски обращался с фактом, с тем, что происходит ежедневно, превращая это с помощью ему одному доступных средств в совершенные формы..." Слово само собой, но совершенно несорпимо Крупин замкнул блистательный круг писателей-деревенщиков, вопреки партийно-государственному официальному да либерально-прогрессистской фронде определявший в 1960–1980-е годы строжень (сейчас у нас предпочтут импортный термин "мейнстрим") и стержень русской прозы той эпохи — вначале якобы "застойной", потом "перестроечной".

"В издательстве ("Современник". — Ред.) работал с книгами Распутина, Белова, Абрамова — так они меня к себе притянули: и эти книги, и их авторы. И я всегда-всегда считал, что мне до них, до любимых моих "деревенщиков", не дотянуться, но они сами меня к себе привлекли, и всегда на равных со мной общались... что-то угладило во мне, значит", — говорил об этом сам Владимир Крупин в интервью газете "Завтра". И вполне понятно, что именно тогдашние литературные авторитеты, тоже ещё далеко не старые, в совсем ещё молодом по нынешним меркам писателе угладили. Из глубин сурового реализма "деревенской" прозы Крупин вытаскивал на всеобщее обозрение щедрую толику народного юмора и сказочного вымысла — то, что всегда проблескивало в творчестве у Фёдора Абрамова, и Валентина Распутина, и Василия Белова, да, в общем-то, у всех без исключения мастеров-деревенщиков, но особенно ярко — у рано ушедшего из жизни Василия Шукшина.

"Я почти не был знаком с ним, не считая же две крохотные встречи. Одна на Писемского, где была редакция журнала "Наш современник", в котором вышла подборка моих маленьких рассказов "Зёрна" в одиннадцатом номере 1972 года. И в нём же были рассказы Шукшина. Я по телефону узнал, что номер вышел из печати, и помахал в редакцию. В коридоре увидел Шукшина и Леонида Фролова, ответственного секретаря журнала.

— Вася, — сказал Фролов, — вот, познакомься. Володя, с тобой в одном номере вышел. — А, — весело сказал Шукшин, подавая руку, — вот из-за кого у меня рассказ зарезали. Совершенно внезапно даже для себя я обижённо воскликнул:

— Да у меня их десять зарезали! Шукшин засмеялся и предложил: — Пойдём Нагибина бить: их тут не смеют резать (третьим в номере по разделу прозы был Юрий Нагибин)".

Конечно, важную роль в формировании такой особенности писателя сыграла среда, в которой он родился и вырос, село (ныне посёлок) Кильмеяз в Кировской области, вятская земля. "Вячские робаты хучьёе, сёмёро одно не бояча, будь он хучь сонный, хучь сызанный", — гласит местная поговорка. А ещё, к той же поговорке про "вятских-хвачских": "сколко один пропьёт, сёмёро не заработает", "лаптем ши хлебают". В Вятке свои порядки! — и далее в том же духе. Помянется над собой и над своими — для уроченца вятской земли если не святое, то самое первое и милое дело. А чтобы посмеяться над чем-то, надо это смешное приметить, ухватиться за него, потянуть так, чтобы вывернуть наизнанку, всем напояк, попробовать "на зуб" — и только потом можно уже подбодру-поздорову воротить всё обратно.

С чего начинался разговор деда и внучки в памяти "Нивая вода", одним из первых и самых известных произведений Владимира Крупина? Как раз с описания общения-воспитания "через поколение" — деда с внучкой. А такие "прихватки" вырастают и возрастают с детства на всю жизнь.

— Жили-были... — начинал Кирпиков, но Маша кричала:

— Ой, только не дед да баба!

— Мать, слышь?

— Чего? — откликалась из кухни Варвара.

— Чего внука-то говорит, хватит, говорит, пожили.

— Живите, — разрешала Маша. — Ты мне не сказку рассказка, а про себя..."

ПИСАТЕЛЬ — как всякий, впрочем, человек — о чём бы и о ком бы он ни рассказывал, устно ли, письменно ли, всегда говорит о себе, "каждый пишет, как он дышит". И писательское дыхание Крупина — лёгкое, как у здорового ребёнка, потому что, как он однажды заметил, "детство сильнее всей остальной жизни". Для него детство — не то, что было когда-то и теперь осталось в далёком прошлом, но часть его жизни. Возможно, поэтому он не "детский писатель" в обычном значении этого слова, но во всех произведениях обращается к "внутреннему ребёнку" своих читателей и общается с ним. От своего собственного "внутреннего ребёнка", конечно же. Не с каждым читателем такой диалог возможен, тем более если у того "внутренний ребёнок", скажем так, спит. Но с этой особенностью писателя связана и другая.

"Если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное" — это из Евангелия. "Душа человеческая по своей природе христианка" — это уже из Тертуллиана. Поэтому нельзя сказать, что Крупин, автор целого ряда книг о русских святых, пришёл к вере в Бога — он из неё, как из своего детства, как из любви к Родине, не выходял никогда. Поэтому в одном из интервью в ответ на один из вечных русских вопросов "что делать?" он отвечал: "Всё потихоньку свешается. Я спокоен за судьбу России, безо всякой паники отношусь к происходящему вокруг. Я каждый день просыпаюсь с мыслью: "Слава тебе, Господи, что у меня нет второй, запанской Родины!" Тут могилы моих предков, здесь моя судьба. А русский язык?! Это же такая загадка, такая великая тайна! Но я не говорю, что Россия лучше всех стран в мире. Нет. Я говорю: для меня Россия лучше всех!"

Как у всякого живого человека, а не ангела небесного, жизнь Владимира Николаевича Крупина не представляла собой прямую и непрерывно восходящую линию — излучин и водоворотов в её течении тоже хватало. Тем более за одну жизнь "множество эпох прожил: от средневековья, лучины, копилки до айпадов, айфонов, скайпов". К этому надо добавить: от сталинской советской социалистической до нынешней путинской, ещё не получившей своего названия эпохи. Но дело, конечно, не во внешних обстоятельствах жизни, а во внутреннем горении души. Которое, как бегущую воду и играющих детей, никогда не надоеет созерцать. Как говорят на Востоке, "чем проклинать темноту, которую зажёг даже маленькую свечу". Чем вот уже более полувька и занимается в русской литературе Владимир Николаевич Крупин.

Владимир ВИННИКОВ